

Doth [dʌθ] = does.

В тексте встречаются фразы из караульной службы: *Stand and unfold yourself!*

Вариантом при переводе может быть: *Стой, кто идет?*

В тексте встречаются разные междометия, которые придают стилистическую окраску тексту:

Holla = Holloa [ˈh lou] – Эй! и глагол *кричать*

Tush [tʌ] – Фу! Тьфу!

Lo [lou] – Вот! Смотри! Слушай!

Ho [hou] – Эй!

Как видим, **лингвистическое** различие между языками заставляет переводчика искать решения, основываясь на стилистических особенностях речи определенной эпохи, особенностях речи персонажей, вкладывая в их монологи и диалоги такой лексико-грамматический материал, который не просто передает смысл, но выражает характер персонажа, его образование, воспитание и даже пол (gender). Сам художественный перевод, без сомнения, оказывает большое влияние на общелитературный язык, хотя чаще всего язык художественной литературы (художественный стиль) не является нормированным, кодифицированным в прямом понимании этих слов, поскольку является отражением общенародного языка с его исторически-культурным колоритом, нелитературными вкраплениями и авторским мировоззрением (в нашем случае перевода в двойном объеме), отражающимся на языке самого произведения.

М. В. Смелова

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Политические мифы активно используются в избирательных кампаниях, поскольку мифологизация политика позволяет выделить его среди конкурентов, подключить его образ к энергетическим потокам коллективного

бессознательного, которое проявляется в мифах. По мнению Г. Почепцова, «эффективная коммуникация не столько задает новые сообщения, сколько подключается к уже имеющимся в массовом сознании представлениям. Миф и архетип — это именно тот тип информации, который на глубинном уровне присутствует в каждом из нас, и задача состоит в том, чтобы активизировать эту символику на выгодном для коммуникатора уровне»¹. Таким образом, миф сообщает образу лидера энергетику столетий. Эмоциональная сила воздействия политика на избирателей многократно возрастает.

Некоторые авторы считают, что «имидж неразрывно связан с мифом. Он производное от мифа, пропущенное через сознание и чувство человека»². Это утверждение слишком категорично, поскольку имидж не всегда связан с мифом. Имидж при внешней экспрессивности может быть выстроен довольно рационально. Кандидат адресует избирателям *message* (послание), которое становится стержнем его имиджа. И избиратель в состоянии сделать рациональный выбор, то есть выбор с позиций «выгодно – невыгодно». Таким образом, имидж формируется в процессе торга политика с избирателями. Например, в 1992 году кандидат в президенты Билл Клинтон взял на вооружение «мессидж»: «Перемены или продолжение старого». По мнению Брайана О'Дея, «кампания Клинтона блестяще связала воедино вопросы кампании и «мессидж». Если, например, Билл Клинтон говорил о реформе медицинского обслуживания, вопрос звучал так: изменения или продолжение того, что было? Если он говорил об образовании, экономике, социальных благах или о чем-либо еще, вопрос оставался тем же: изменение или продолжение старого»³. Постоянное повторение необходимости перемен, опиравшееся на реальные проблемы в американском обществе, дало желаемый эффект — Клинтон выиграл выборы у Буша-старшего.

Ни о каком торге и выгоде не может быть и речи в случае с мифом. Какая выгода в том, чтобы идти сражаться и умирать «за Родину и за Сталина»? Но ведь

---

¹ Почепцов Г. Имиджелогия. М. - К., 2001. С. 148.

² Карпухин О., Макаревич Э. Формирование масс. М., 2001. С. 287.

³ О' Дей Б. Планирование политических кампаний. Шаг за шагом к победе на выборах. М., 1999. С. 30.

люди шли и погибали. Кто-то боялся штрафбата и заградотрядов, а кто-то искренне верил в «великого вождя». Кстати, вытесненный страх перед наказанием в мифе может трансформироваться в любовь к вождю.

Мифологизация политика происходит в период, когда страна переживает кризис, находится на крутом повороте истории. Так как общество наэлектризовано, актуализируются дремлющие в коллективном бессознательном архетипы. Вильгельм Вундт считал, что источником мифов являются аффекты. Когда мифы поднимаются на поверхность сознания, они начинают править бал. Их энергетика требует выхода. Общество впадает в «психотическое состояние», по выражению К. Г. Юнга. В этот момент и должен появиться герой.

Например, страдающая от «вьетнамского синдрома» и страха перед «советской угрозой» Америка выбрала Рейгана, который обещал вернуть стране былое величие. Объявленный Рейганом «крестовый поход» против коммунизма — типичный пример мифотворчества. Речь Рейгана не случайно изобиловала религиозными мотивами. Ведь он выполнял «священную миссию» борьбы с «мировым Злом». Рейгановская мифология позволила американцам избавиться от комплексов и воспрянуть духом.

Именно благодаря мифу удалось победить на выборах Владимиру Путину. Маленькая победоносная (по крайней мере, по сообщениям СМИ) война в Чечне, словно хирургический скальпель, вскрыла нарыв копившихся в стране эмоций. Утрата статуса «великой державы», разочарование в реформах, кризис национального самосознания, возросшее недоверие к Западу, страх перед будущим, ужас от взрывов в Москве — вся эта пестрая гамма чувств вылилась в поддержку войны в Чечне. На рациональном уровне понятно, что война не только не решает накопившиеся проблемы, но, наоборот, усугубляет их и создает новые. Однако, когда народ взвинчен, рациональные доводы неуместны. Миф живет по своим законам.

Еще одним примером подключения к мифу является название избирательного блока «Медведь». Здесь уже налицо отсылка к национальному фольклору, в котором медведь символизирует русский народ. Изображение

медведя в символике блока было своего рода *тотемом*, указывающим на родовую принадлежность его членов. Этот прием, несомненно, сработал. Но он также затруднил рациональный выбор избирателям, поскольку они голосовали за «родовой тотем», а не за программу блока. Сознательный выбор сменился бессознательными реакциями.

Выборы часто называют «политическим спектаклем». И это не просто художественная метафора. Публичную политику действительно можно рассматривать как спектакль, в рамках которого разворачивается политическое действие. Такой подход, например, содержится в работе М. Эдельмана «Конструируя политический спектакль»¹.

Актерами «спектакля» являются политики. По мнению Эдельмана, «политические лидеры стали символами компетентности, зла, национализма, обещания будущего и других добродетелей и пороков и таким образом помогают придавать смысл беспорядочному миру политики. Наделяя образы лидеров смыслом, зрители определяют собственные политические позиции. В то же время вера в лидерство является катализатором конформизма и повиновения. Термин, который возбуждает воображение большого числа людей и в то же время помогает организовать и дисциплинировать их, является эффективным политическим инструментом, хотя и неопределенным в последствиях его применения»².

Лидер, разыгрывающий политический «спектакль», ориентируется не на реальные потребности общества, а подчиняется законам *политической драматургии*. Он активно участвует в *конструировании* реальности, постановке зрелища, участником которого сам же и является. Важнейшую роль в драматургии «спектакля» играют *политические мифы*. Они предоставляют «драматургам» набор *героев и антигероев, мифологические сюжеты*, которые могут оказать влияние на общественное сознание. Подвох заключен в том, что политик пытается представить миф как реальность и навязать его аудитории.

---

¹ Edelman M. Constructing the Political Spectacle. Univ. of Chicago Press. 1988.

² Edelman M. Constructing the Political Spectacle. Univ. of Chicago Press. 1988. С. 37.

Для того чтобы победить на выборах, лидеру и его избирательному штабу необходимо выстроить миф, который сможет сломать преграды сознания и завоевать воображение избирателей. Политик должен стать мифологическим героем.

Прежде чем выводить героя на сцену, необходимо создать соответствующую атмосферу. Для этого политтехнологи конструируют *угрозы*, которые герою предстоит устранить. Эмоциональная сила мифа рождается страхом перед Злом, «темными силами», перед Хаосом. Герой, чтобы оправдать само свое существование, должен противостоять какой-то угрозе. Иначе в нем нет необходимости.

Поскольку герой раскрывается в борьбе с врагом, необходимо создать убедительный и яркий *«образ врага»*. Чем красочней портрет злодея, тем правдоподобней миф. В роли злодея могут выступать как конкретные личности, например, Г. Зюганов, Осам бен Ладен, Саддам Хусейн, так и отвлеченные понятия: «империя зла», ваххабизм, коммунизм и т.п. Чем больший страх внушает фигура врага, тем больше лавров достанется герою, который его одолеет. Поэтому раскрутка врагов является необходимой артиллерийской подготовкой выхода на сцену героя мифа.

Мифологический злодей всегда действует с неким *тайным умыслом*. У него есть четкая цель, которую он тщательно скрывает от других. Ради ее достижения он готов на все. Тайный умысел злодея объясняет все его действия. Поэтому столь эффективна *«теория заговора»*. Она позволяет раскрыть скрытый умысел врага, даже если его нет в природе. Но ведь на то он и скрытый. Только «проницательным» политикам дано проникнуть в планы врагов. Как говорил диктатор Варлаам Аравидзе в фильме «Покаяние», «Мы найдем черную кошку в темной комнате, даже если ее там нет». «Теория заговора» позволяет возвысить и укрепить авторитет героев и клеймить врагов.

«Злодей» должен быть отталкивающим, внушающим отвращение. Иначе избиратель может поддаться очарованию Зла. Поэтому в период выборов штабы кандидатов не жалеют пороха на дискредитацию конкурентов. Например, против мэра г. Екатеринбурга А. Чернецкого на губернаторских выборах в Свердловской

области применялись следующие приемы: «Показ по телевидению крупным планом немаленького живота Аркадия Михайловича; того, как он ковыряется в носу, дремлет на каком-то заседании; серия карикатур, где Чернецкий предстает в еще более неприглядном свете»¹. За «злодеем» необходимо закрепить негативные стереотипы. Так, за Чернецким пытались закрепить образы «слабого хозяйственника», «диктатора», «барина»² и др.

Когда нужная атмосфера создана, на сцену выходит герой. Он может появиться в разных одеждах, в зависимости от общественного запроса: «спасителя», «защитника», «страдальца за правду» и т.п. Герой борется не ради собственной выгоды, а ради торжества принципов, высоких идеалов. Герой задает модели поведения, которые в той или иной мере становятся эталоном для его последователей. Идентификация с героем служит залогом его популярности.

Поскольку в мифе прошлое и будущее взаимосвязаны, то уверенность в будущей победе иллюстрируется победами в прошлом, обращением к деяниям великих предков, предшественников. Герой мифа должен быть готов к самопожертвованию в схватке со Злом.

В реальной политической практике технологии разрушения мифов и создания новых могут быть самыми разными. Многое зависит от политического контекста, в котором создается миф, личностных особенностей политиков — героев мифа, таланта мифотворцев и др. Однако есть некие общие закономерности, некоторые из которых мы перечислили выше.

Политический миф является составной частью веками отработанной и отшлифованной *технологии управления обыденным сознанием*. В известном смысле публичная политика представляет собой некое *мифологическое пространство*. Не случайно выражение «политический Олимп», уподобляющее политиков мифическим богам. Монотеистические религии рисовали другую картину мира. Есть король (царь, шах и т.п.), который является наместником бога на земле. Через него Единый Бог и вершит свою волю. «Политбюро» античных

---

¹ Минченко Е. Как стать и остаться губернатором. // Челябинск, 2001. С. 157.

² Там же. С. 156-157.

богов было предано забвению. Однако появление массового общества сделало возможным возврат к прежнему мифологическому восприятию политических лидеров и политики вообще. Развитие средств массовой информации, новых информационных технологий еще больше способствует мифологизации мышления современного человека. Не случайно М. Маклюэн еще в 50—60-х годах прошлого века писал о наступлении эры «нового племенного человека». Современные политики воспринимаются обывателями как античные боги, которые повелевают природой и людьми.

Мифологичность восприятия действительности, свойственная «современному человеку», делает миф очень эффективным политическим орудием. Перечислим ряд характеристик мифа, которые позволяют понять некоторые механизмы воздействия с его помощью на массовое сознание.

Миф позволяет упростить реальность и существующее в ней множество противоречий свести к простейшей формуле борьбы Добра и Зла. Во время революций и войн (как «горячих», так и «холодных») мифы становятся суровой реальностью. Наступает время реализации метафор. Например, французским революционерам за каждым углом чудились «враги народа». Принятый Конвентом «закон о подозрительных» — типичное порождение мифологического сознания. Миф всегда тяготеет к простым формулам и решениям.

В мифе мир понятен и полностью познан. Это важнейшее свойство мифа. Он расставляет все по своим местам. В мифе всегда есть ответ на вопрос: «Что такое хорошо и что такое плохо?»

Поскольку окружающий мир в мифе познан и понятен, то он не пугает человека. Благодаря мифу человек обретает чувство гармонии, единения с Природой. Миф оберегает его от *непосредственного соприкосновения* с суровой реальностью. В первобытных обществах «миф был нужен, чтобы в манере, щадящей мистифицированный рассудок большинства, донести знание, пусть и в иносказательных опoэтизированных образах. Проще говоря, сознание человека оберегалось от вторжения в него реальности, которая большинству кажется жестокой. Поэтому любая информация кодировалась с помощью сакральной

символики, чтобы не травмировать не готовое к трезвой оценке реальности сознание человека. Более мудрые охраняли менее мудрых от опасного для них знания, как ребенку подкладывая вместо способного отнять жизнь орудия — безопасную игрушку»¹.

В наше время правящие элиты подбрасывают «игрушку-миф» массам, чтобы отвлечь их внимание от других проблем. Именно поэтому в России такое огромное значение придается СМИ. Не случайно Путин начал свое правление борьбой с неподконтрольными государству СМИ. Он считал необходимым поставить производство «игрушек» (т.е. мифов) под свой контроль, чтобы олигархи типа Гусинского и Березовского не травмировали «мистифицированный» рассудок россиян.

Миф, избавляя людей от страха перед реальностью, является своего рода обезболивающим, *наркозом*, который вводится обществу, когда его постигают сильные травмы и потрясения. Если ощущение общественной тревожности перерастает допустимый предел, то возникает запрос на лидера, который все проблемы разом решит, т.е. запрос на героя. Примеры у нас еще свежи в памяти — взрывы в Москве, гибель «Курска». В первом случае Владимир Путин пообещал «замочить террористов в сортире» и начал войну в Чечне. Путин стал героем-защитником. Он подчеркивал необходимость «уничтожения террористов», т.е. декларировал *беспощадность* к врагам. Тем самым враги представляли еще более грозными, чем были на самом деле. Кроме того, беспощадность к врагу — русский архетип, который способствовал сплочению нации вокруг своего лидера.

Стержень мифа — действие. По этому поводу Кассирер пишет: «Мир мифа — драматический мир: мир действий, усилий, борющихся сил. Миф не система догматических верований: он состоит не только из образов и представлений, но в гораздо большей мере из действий. Жизненный принцип мифа — этот принцип не статичен, а динамичен, и описать его можно только в терминах действия»².

---

¹ Шатунов М. Русская профессиональная драка. М., 2002. С. 202

² Кассирер Э. Опыт о человеке. М., 1998. С. 529-532.

Мифологический герой всегда в действии. Он может терпеть временные неудачи и трудности, но он всегда деятелен, всегда в борьбе. В эпоху «перестройки» множество «борцов» сделало политическую карьеру, пользуясь мифологизированностью сознания избирателей. Например, имя Ельцина «Борис» «демократы» расшифровывали как производное от «борись». Получился лозунг: «Борис — борись». В тот период не было нужды в изощренных политтехнологиях. Достаточно было «бороться с Системой». Действие в мифе — это всегда борьба Добра со Злом. Яркий пример — «холодная война». Рональд Рейган объявил «крестовый поход» против «империи зла» в лице СССР. В одной из своих речей он даже заявил, что предпочел бы, чтобы его внуки умерли, чем жили бы при коммунизме. «Крестовый поход» против коммунизма был поддержан и римским папой, что еще больше усилило религиозную составляющую провозглашенного Рейганом курса.

Советский Союз не нашел адекватного мифологического ответа. Нам по старинке твердили о загнивающем Западе, капиталистической эксплуатации и прочих страшилках, которые не оказывали никакого воздействия на население. «Перестройка» и «новое мышление» оказались конструкциями непригодными для идеологических войн, — в них не было «образа врага». Нет врага — нет борьбы, нет борьбы — нет действия, нет действия — нет мифа.

Закон метаморфозы мифа. Эрнст Кассирер считал, что в мире «ни каких-либо специфических различий между разными сферами жизни, ни определенных постоянных, устойчивых форм не существует. Внезапная метаморфоза может превратить каждую вещь в любую другую»¹. Эта пластичность мифа дает политику свободу маневра. Герой мифа не ведает преград, любой объект действительности может быть наделен сверхъестественными свойствами. По словам Р.Барта, «миф не определяется ни своим предметом, ни своим материалом, так как любой материал можно произвольно наделить значением»². Ветряные мельницы становятся «великанами», владельцы фабрик — «эксплуататорами-

---

¹ Кассирер Э. Опыт о человеке. М., 1998. С. 535.

² Барт Р. Мифологии. М., 1996. С. 234.

кровопийцами», главы государств — «отцами нации» и т.д. В мифе нет застывших форм, действительность динамична, метафорична. Обыденное и сверхъестественное в мифе неразделимы. Между ними нет никакого противоречия. Поэтому миф «легко переводится со своего высшего уровня на любые простые ситуации»¹. И наоборот, с низшего уровня миф позволяет «воспарить» к высшим сферам. Архетип Золушки позволяет из заурядной личности сотворить «великого политика», «из грязи» подняться «в князи».

Миф создает ощущение сакральности власти и ее носителей. Любое действие или слово мифологического героя приобретают значение символа или знака. Миф позволяет политикам сотрясать воздух, ничего реально не предпринимая до тех пор, пока они сохраняют одежды героев.

Миф оперирует образами. Это обеспечивает ему запоминаемость, узнаваемость, цельность. В то же время любой образ допускает различия в толкованиях его деталей, что позволяет мифу обрести бесчисленными подробностями, вариантами. Каждый человек может «обжить» полюбившийся ему миф, добавив в него красок из палитры собственного воображения. Таким образом, миф превращается в *продукт совместного творчества* множества людей и при этом сохраняет свою изначально заданную структуру и смысловую нагрузку. Вот почему для современного политтехнолога миф — это бесценный клад для манипуляций общественным сознанием. Достаточно задать некую матрицу, а детали позволить людям домыслить самим. Миф создает *иллюзию сопричастности* происходящим событиям.

Миф имеет иррациональные корни. Его средой обитания являются человеческие эмоции и чувства. Именно они питают миф. В мифологии зашифрованы переживания и опыт народа, ее создавшего. *Архетипы* коллективного бессознательного кочуют из одной эпохи в другую, делая миф вечным спутником человечества. Типичный пример для России — архетип «добротного царя и злых бояр», который пережил самодержавие, советский строй, реформы Ельцина и жив по сей день.

---

¹ Почепцов Г. Имиджология. М.-К., 2001. С. 152.

Искусственно конструируемые или технологические» мифы также замешаны на эмоциях. Управление эмоциями человека осуществляется с помощью *стереотипов*.

Драматургия мифа проста и доступна всем. Миф позволяет связывать воедино различные события, создавая ощущение цельности, осмысленности происходящего. Поскольку сюжет всегда можно придумать, то для политтехнологов здесь открывается необъятный творческий простор.

В мифе время циклично. Мифологическое время существует в рамках цикла «прошлое — настоящее — будущее». Для политтехнологов важен тот факт, что миф помогает как бы «остановить» настоящее. «Мифологизация опирается на точки замедления действительности. Это прошлое или будущее. Отнюдь не случайно советская действительность опиралась на мифологизацию Октября 1917 года (прошлой точки) или «Вперед к победе коммунизма» (будущей точки). Это «остановленные ситуации», которые могут служить опорой для интерпретации вечно изменяющейся действительности. При этом замедление произведено чисто искусственно, только так можно затормозить ситуацию для выработки в ее рамках мифа»¹.

Другими словами, настоящее воспринимается как нечто производное от прошлого и будущего. Настоящее всего лишь повтор того, что уже было, и фундамент того, что будет. Актуального настоящего вроде бы и нет. Все предопределено. Места для проявления воли человека не остается, т.к. он либо вынужден повторять прошлое, либо подчиняться велению Судьбы, т.е. уже запрограммированному будущему.

---

¹ Почепцов Г. Имиджология. М. – К., 2001. С. 164.